

К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ МАНИПУЛЯТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Статья посвящена проблеме определения манипулятивного воздействия: рассмотрены существующие подходы, обосновано предпочтение термина «манипулятивное воздействие» терминам «манипуляция» и «манипулирование», дано авторское определение манипулятивного воздействия.

Ключевые слова: манипуляция, манипулирование, манипулятивное воздействие.

В условиях непрекращающихся информационных войн разного рода, с которыми постоянно сталкивается человек в процессе своей жизнедеятельности, актуальным является определение разновидностей оказываемых при этом воздействий.

Одним из наиболее неоднозначных видов воздействия представляется манипулятивное воздействие, для обозначения которого нередко используют и другие термины: манипуляция, манипулирование (причем, как правило, без разграничения последних: см., например, [1: 9; и др.]). В научной литературе прибегают также к следующим обозначениям: «манипулятивные психотехнологии» [2: 63], «оружэллизм» [3: 70], «политическая манипуляция» / «политическое манипулирование» [3: 67; 4: 54 и др.], «речевые манипуляции» [5: 23; 6: 16] («речевая (языковая) манипуляция (манипулирование)» [5: 25], технология «речевого манипулятивного воздействия» [5: 35]), «речевое «насилие»» [7: 47], «языковое манипулирование» [8: 7, 11, 212] (в данном же источнике наряду с этим термином обнаружен и термин «манипулятивное воздействие» [8: 11], а также появление таких производных сочетаний, как «манипуляционный язык» (в значении «язык социально-психологического воздействия») [8: 213], «построение манипуляционного высказывания» [8: 212], «манипуляционные тексты» [8: 46] и «приемы лингвистического манипулирования сознанием» [8: 46]) и т. д. Наличие подобной неоднозначности в терминологическом плане стимулирует ученых попытаться упорядочить существующие термины, объединив их в некую систему понятий, среди которых, например, выделяют «манипулятивное воздействие», «психологические манипуляции», «манипулирование», «межличностные манипуляции», «социально-политическое манипулирование личностью» и пр., – а родовым для всех этих понятий называют манипуляцию [см.: 4: 55]. Существование в научной литературе целого ряда разнотипных наименований для обозначения исследуемого явления приводит и к научным разногласиям относительно содержательной стороны.

Единое определение «манипулирования» / «манипуляции» в соответствующей литературе отсутствует. Манипулятивное воздействие в силу своей природы в научном плане актуально как для филологов, так и для философов, психологов, социологов. Соответственно, спектр предлагаемых исследователями дефиниций достаточно широк. Так, В. П. Шейнов определяет «манипуляцию» как «скрытое управление адресатом против его воли, наносящее адресату ущерб» (с уточнением, что «манипулирование

выступает как частный случай скрытого управления, характеризующийся эгоистическими, неблагоприятными целями манипулятора, наносящего ущерб (материальный или психологический) своей жертве») [1: 9]. Е. Л. Доценко на основании ряда признаков, выделенных в процессе анализа сформулированных разными исследователями определений «манипуляции» [9: 51–59], дает следующую дефиницию: «манипуляция» – «вид психологического воздействия, искусное исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями» [9: 59]. Данное определение Е. Л. Доценко уточняет и несколькими иными: «манипуляция» – это «вид психологического воздействия, при котором мастерство манипулятора используется для скрытого внедрения в психику адресата целей, желаний, намерений, отношений или установок, не совпадающих с теми, которые имеются у адресата в данный момент» [9: 60], «психологическое воздействие, нацеленное на изменение направления активности другого человека, выполненное настолько искусно, что остаётся незамеченным им» [9: 60], «психологическое воздействие, направленное на неясное побуждение другого к совершению определенных манипулятором действий» [9: 60], «искусное побуждение другого к достижению (преследованию) косвенно вложенной манипулятором цели» [9: 60], «действия, направленные на «прибирание к рукам» другого человека, помыкание им, производимые настолько искусно, что у того создается впечатление, будто он самостоятельно управляет своим поведением» [9: 60]. В рамках данного подхода рассматривают преимущественно процесс межличностных отношений.

Фокусирование внимания ученых на «манипулировании» массами людей нередко напрямую связано с существующими в каждый конкретный период времени идеологическими противостояниями. Так, Я. Кучера (во второй половине XX века) «буржуазное манипулирование мышлением и поведением людей» называет «системой средств империалистического духовного угнетения с целью направить действия масс и отдельных лиц в направлении, противоположном их объективным интересам» [перевод наш – А.П.] [10: 40]. Подобная идеологическая «наполненность» при очередной смене доминирующей идеологии нередко вызывает отторжение или недоумение последующих поколений исследователей, в связи с чем не следует забывать, что в научном плане значимы вовсе не политические предпочтения ученого (или политическая необходимость), а содержательная ценность самих наработок. Так, к примеру, если отвлечься от свойственных XX веку идеологических наслоений, то обобщенное определение «манипулирования» / «манипуляции» по Б. Н. Бессонову может выглядеть следующим образом: «фальсификаторский способ духовного воздействия», «система идейно-психологической обработки» с помощью «средств массовых коммуникаций и других достижений науки и техники», направленная на управление «сознанием и поведением» массового адресата; при этом отмечается особая роль создания иллюзорности [11: 6, 10, 13].

Под «манипулированием» также понимают «способ психологического воздействия, нацеленный на изменение направления активности других людей, осуществляемый настолько искусно, что остаётся незамеченным ими» [12: 316], «такой способ применения власти, при которой обладающий ею влияет на поведение других, не объясняя им, чего он от них ожидает» [12: 316]; «способ господства путем духовного воздействия на людей через программирование их поведения», причем такое воздействие «направлено на психические структуры человека, осуществляется скрытно и ставит своей задачей

изменение мнений, побуждений и целей людей в нужном власти направлении» [13: 31]; «искусство управлять поведением человека с помощью целеустремленного воздействия на общественную психологию, на сознание и инстинкты человека» [14: 75]; «искусство управлять поведением трудящихся с помощью целеустремленного воздействия на общественную психологию, на сознание и инстинкты человека» [15: 87] и т. д.

Использование слова в процессе манипулятивного воздействия стимулировало появление в научных исследованиях уже упомянутых выше терминов «языковое манипулирование» [8: 7, 11], «речевое манипулирование» / «речевая манипуляция» [5: 25]. Существуют и соответствующие дефиниции. Так, А. А. Данилова «языковое манипулирование» определяет как «скрытое языковое воздействие на адресата, намеренно вводящее его в заблуждение относительно замысла или содержания речи, осуществляемое на трех уровнях: индивидуальном, групповом и массовом» [8: 12], «скрытое информационно-психологическое воздействие на человека с помощью языковых средств, осуществляемое на трех уровнях (индивидуальном, групповом и массовом), нацеленное на побуждение человека к действиям, входящим в противоречие с его интересами, воззрениями, а также с языковой картиной мира и системой общества в целом» [8: 212]. Г. А. Копнина рассуждает о предпочтительности термина «речевые манипуляции» (а не «языковые») [см.: 5: 23], сам же вид этого воздействия определяет следующим образом: «речевая (языковая) манипуляция (манипулирование) – разновидность манипулятивного воздействия, осуществляемого путем искусного использования определенных ресурсов языка с целью скрытого влияния на когнитивную и поведенческую деятельность адресата» [5: 25]; при этом «речевое манипулирование» называет и разновидностью «психолингвистического воздействия, которое может изучаться с точки зрения разных семиотических систем» [5: 108], а также разновидностью «речевого психологического воздействия» [5: 31]. Кроме того, говорит и о технологии «речевого манипулятивного воздействия» как о последовательности «действий манипулятора, реализуемых в его речевом поведении с целью побуждения адресата к определенному действию» [5: 35]. М. Л. Ковшова синонимом «речевой манипуляции» называет «речевое «насилие»», а отличием «речевой манипуляции» от речевого воздействия считает то, что «манипулятор сознательно и преднамеренно скрывает истинную цель своего речевого сообщения» [7: 47]. В. Е. Чернявская «речевые манипуляции» называет «одной из частных возможностей манипулирования сознанием и поведением человека» [6: 16], определяя манипуляцию как «речевое воздействие, направленное на неявное, скрытое побуждение адресата к совершению определенных действий; как скрытое внедрение в его сознание желаний, отношений, установок, служащих осуществлению интересов отправителя сообщения, которые необязательно совпадают с интересами адресата» [6: 19]. Существуют и другие определения исследуемого вида скрытого воздействия (указание на «скрытый» характер подобного воздействия наблюдается в большинстве дефиниций).

Следует отметить, что в научной литературе можно обнаружить и такие сочетания, как «манипуляция потребностями» [3: 67], «манипуляция политическим сознанием» [3: 68], «манипуляция образами» [5: 17], «запахи-манипуляторь» [6: 17], «манипулирование информацией» (в СМИ) [2: 63] и т. п. Подобное использование слов «манипуляция» и «манипулирование» свидетельствует об активизации иных значений, связанных не только с воздействием на человека.

Для определения, что же собой представляет исследуемый вид скрытого воздействия, в первую очередь, необходимо найти один – наиболее подходящий – план выражения для этого понятия. Анализ лексикографических источников [см.: 16: 34–37] показывает, что слова «*манипуляция*» и «*манипулирование*» имеют несколько значений (в том числе, относящихся к иным терминосистемам), а в некоторых значениях присутствует негативная коннотация. В то же время, при выборе вербального оформления термина следует основываться на двух положениях: 1) термин должен иметь минимальное количество значений (в идеале – одно значение); 2) термин должен быть максимально нейтральным, без негативной коннотации. Этим требованиям из трёх основных вариантов («*манипуляция*», «*манипулирование*», «*манипулятивное воздействие*») наиболее соответствует словосочетание *манипулятивное воздействие*. По сути, уже в самом этом словосочетании присутствует указание на родовое понятие (воздействие), что минимизирует возможность иных толкований. Другими словами, если речь идет об исследуемом виде скрытого воздействия, целесообразно использовать термин *манипулятивное воздействие*. Если же речь идет о выполнении неких операций (в частности, посредством рук) или о перетасовке чего-либо (в прямом или переносном смысле), то возможно использование слов *манипулирование* (акцент на процессе) или *манипуляция*: следовательно, можно говорить о манипулировании фактами, цифрами и т. п. или о манипуляциях с фактами, цифрами и т. п. – как о факторах, способствующих проявлению манипулятивного воздействия.

Манипулятивное воздействие может проявляться в некоторых технологиях (или техниках), но не заключается в них. Кроме того, изучение манипулятивного воздействия только в аспекте информационно-психологической войны (если рассматривать последнюю как информационно-психологическое противостояние государств или разного рода политических сил – что чаще всего и подразумевают) сужает суть манипулятивного воздействия, сфера применения которого гораздо шире. Другими словами, если и рассматривать манипулятивное воздействие в рамках информационно-психологической войны, то не следует ограничиваться изучением только разнообразных противостояний между некими объединениями людей.

Названия, образованные от фамилий политических или общественных деятелей (как «*макиавеллизм*», «*оруэллизм*» и т. п.), даже если работы / произведения последних достаточно ярко описывают некоторые черты данного вида воздействия, также значительно сужают действительные границы самого явления. К тому же, манипулятивное воздействие существует вне зависимости от наличия или отсутствия подобных его описаний.

Появление названий исследуемого вида скрытого воздействия, связанных с понятиями *язык* и *речь*, обусловлено, как представляется, активизацией изучения манипулятивного воздействия филологами и, соответственно, стремлением показать, что это воздействие в значительной мере проявляется вербально. Безусловно, язык как система также лежит в основе предпосылок существования манипулятивного воздействия, но манипулятивное воздействие не осуществляется посредством языка как такового. То есть, для манипулятивного воздействия («*манипуляции*», «*манипулирования*») определение «языковое» нежелательно. Точно так же нецелесообразно называть его и «речевым». Для осуществления манипулятивного воздействия могут быть применены речевые средства, но это не переводит данный вид воздействия в ранг речевых явлений. И в то же время, нет видов манипулятивного воздействия вне речи, следовательно, нет и необходимости

подобных противопоставлений. Кроме того, определить, манипулятивное ли это воздействие, или же иной вид скрытого воздействия, возможно, исследуя дискурс, а изучение речи покажет только наличие некоего скрытого воздействия, которое потенциально может быть манипулятивным.

Сам факт того, что манипулятивное воздействие оказывается в центре исследований целого ряда наук, указывает на многогранную природу данного вида скрытого воздействия. Определение его с точки зрения какой-либо одной из наук может показать лишь одну из граней, не раскрывая понятие в целом. Для полного же понимания необходимо определение манипулятивного воздействия с более общих позиций, учитывающих все возможные аспекты его изучения.

Прежде всего, определим родовое понятие: под воздействием подразумеваем действие, направленное на изменение формы и содержания объекта / субъекта [16: 20]. Поскольку манипулятивное воздействие является видом скрытого воздействия, то такое изменение, соответственно, будет скрытым.

Для нас необходимо обозначить, на изменение формы и содержания чего (какого объекта) направлено манипулятивное воздействие, оказываемое на человека. В представленных в научной литературе определениях можно обнаружить упоминание воздействия на сознание [8: 7, 11 и др.; 14: 75; 15: 87; 3: 67; 6: 16; и др.], «общественное сознание» [8: 11; и др.], психику [7: 46; и др.], «психические структуры человека» [13: 31], поведение [6: 16] и даже инстинкты [14: 75; 15: 87]. Этот перечень охватывает весьма широкий спектр гипотетических непосредственных объектов манипулятивного воздействия. И тем не менее, искомый объект, с нашей точки зрения, находится в иной области.

Здесь следует упомянуть значимость для манипулятивного воздействия так называемой «фальшивой действительности» [17: 28], соотносимой с понятием иллюзорности [11: 10, 130; и др.]. Мысли и действия человека во многом определяются окружающей его действительностью, а точнее – восприятием этой действительности. В идеале такое восприятие должно быть целостным. Целостность восприятия окружающей действительности будем называть *картиной мира* [16: 48]. При нарушении целостности восприятие искажается, что и приводит к увеличению доли иллюзорности. Другими словами, искажение целостности восприятия окружающей действительности обеспечивает появление *иллюзорной картины мира*.

Именно с категорией иллюзорной картины мира в нашем понимании соотносится существующее в научной литературе понятие «модель мира» (основными признаками любой модели мира («моделі світу») называют сокращение («скороочення»), искажение («викривлення») и обобщение («генералізацію») [18: 10]). Используемое в научных исследованиях понятие «образ мира» [19: 28] также соотносимо с иллюзорной картиной мира.

Итак, манипулятивное воздействие оказывается на картину мира человека, причем, чем большее преобладание иллюзорной картины мира у каждого конкретного человека, тем эффективнее оказываемое на последнего манипулятивное воздействие.

В первом приближении определение манипулятивного воздействия было дано автором в диссертационном исследовании, где манипулятивное воздействие рассматривалось как «способ изменения или корректировки картины мира реципиента, реализующийся посредством вербальных составляющих и лежащих в их основе взаимодополняющих и взаимопересекающихся отдельных речевых средств (в совокупности

с сопутствующими невербальными компонентами)». При этом уточнялось, что манипулятивное воздействие «базируется на принципах скрытности, искусности, существования / создания иллюзорной действительности» [20: 65].

Если исходить из междисциплинарной природы исследуемого вида скрытого воздействия, то обобщенно определение можно представить следующим образом: **манипулятивное воздействие** – скрытое замещение картины мира человека иллюзорной картиной мира.

Учитывая, что под картиной мира понимаем целостность восприятия окружающей действительности, это же определение было нами сформулировано и другими словами: **манипулятивное воздействие** – это скрытое замещение целостности восприятия человеком окружающей действительности различными искажениями [16: 49].

Степень искажения восприятия человеком окружающей действительности определяет потенциальную вредоносность манипулятивного воздействия. И наоборот, чем более целостно восприятие окружающей действительности, тем меньшая вероятность, что человек пострадает от данного вида скрытого воздействия. При этом не значимо то, с какой целью прибегают к манипулятивному воздействию: формирование в самом человеке и вокруг него определенного *манипулятивного пространства* в любом случае вредоносно. Уменьшению распространения манипулятивного пространства будет способствовать неприменение манипулятивного воздействия во всех проявлениях последнего, для чего, в первую очередь, и необходимо определение того, что собой представляет данный вид скрытого воздействия. Перспективным в этом плане представляется изучение и альтернативного вида скрытого воздействия – актуализирующего воздействия, направленного на развитие реципиента.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Шейнов В. П. Психологическое влияние / В. П. Шейнов. – Минск : Харвест, 2007. – 640 с. – ISBN 978-985-16-1559-5.
2. Присяжнюк Д. М. Застосування маніпулятивних психотехнологій з боку Росії в ЗМІ України (на прикладі Криму) / Д. М. Присяжнюк // Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка. Військово-спеціальні науки. – Випуск 23. – К. : Київський університет, 2009. – С. 63–66.
3. Зубчик О. А. Демократичний режим – «демократичний» контроль? / О. А. Зубчик // Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка. Філософія. Політологія. – Випуск 91–93. – К. : Київський університет, 2009. – С. 66–70.
4. Семенченко Ф. Г. Ціннісний вимір політичної діяльності: теорія і практика розвитку сучасного українського суспільства / Ф. Г. Семенченко // Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка. Філософія. Політологія. – Випуск 101. – К. : Київський університет, 2011. – С. 50–56.
5. Копнина Г. А. Речевое манипулирование / Г. А. Копнина. – М. : Флинта ; Наука, 2007. – 176 с.
6. Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса : проблемы речевого воздействия / В. Е. Чернявская. – М. : Флинта ; Наука, 2006. – 136 с.
7. Ковшова М. Л. Лингвистический анализ текста (речевая манипуляция) / М. Л. Ковшова // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2009. – № 1. – С. 46–55.

8. Данилова А. А. Манипулирование словом в средствах массовой информации / А. А. Данилова. – М. : Добросвет, Изд-во «КДУ», 2009. – 234 с.
9. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита / Е. Л. Доценко. – М. : ЧеРо, Издательство МГУ, 1997. – 344 с.
10. Кучера Я. Идеологічне маніпулювання : Методи і засоби імперіалізму / Я. Кучера. – К. : Політвидав України, 1988. – 154 с.
11. Бессонов Б. Н. Идеология духовного подавления / Б. Н. Бессонов. – М. : Мысль, 1971. – 294 с.
12. Крысько В. Г. Секреты психологической войны (цели, задачи, методы, формы, опыт) / В. Г. Крысько. – Минск : Харвест, 1999. – 448 с. – ISBN 985-433-541-0.
13. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием / С. Г. Кара-Мурза. – К. : Оріяни, 2003. – 500 с.
14. Желтухина М. Р. Тропологическая суггестивность масс-медиального дискурса : о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ : монография / М. Р. Желтухина. – М. : Ин-т языкознания РАН; Волгоград : Изд-во ВФ МУПК, 2003. – 656 с.
15. Зирка В. В. Манипулятивные игры в рекламе : лингвистический аспект : монография / В. В. Зирка. – Днепропетровск : ДНУ, 2004. – 291 с.
16. Подшивайлова А. М. Манипулятивное воздействие в политическом дискурсе : монография / А. М. Подшивайлова. – К. : Киевский университет, 2013. – 431 с. – ISBN 978-966-439-680-3.
17. Шиллер Г. Манипуляторы сознанием / Г. Шиллер. – М. : Мысль, 1980. – 326 с.
18. Слухай Н. В., Снитко О. С., Вільчинська Т. П. Когнітологія та концептологія в лінгвістичному висвітленні / Н. В. Слухай, О. С. Снитко, Т. П. Вільчинська. – К. : Київський університет, 2011. – 367 с.
19. Залевская А. А. Значение слова через призму эксперимента : монография / А. А. Залевская. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 2011. – 240 с.
20. Подшивайлова А. М. Речевые средства манипулятивного воздействия в политическом дискурсе (на материале печатных русскоязычных СМИ Украины) : дисс. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.02. – русский язык / Анна Михайловна Подшивайлова. – Киев, 2009. – 230 с.

Подшивайлова Г. М., канд. філол. наук
Київський національний університет імені Тараса Шевченка, Київ

ДО ПРОБЛЕМИ ВИЗНАЧЕННЯ МАНІПУЛЯТИВНОГО ВПЛИВУ

Стаття присвячена проблемі визначення маніпулятивного впливу: розглянуто наявні підходи, обґрунтовано перевагу терміна «маніпулятивний вплив» порівняно з термінами «маніпуляція» та «маніпулювання», дано авторське визначення маніпулятивного впливу.

Ключові слова: маніпуляція, маніпулювання, маніпулятивний вплив.

Podshyvaylova A. M., candidate of Philology
Taras Shevchenko national university of Kyiv, Kyiv

ON THE PROBLEM OF MANIPULATIVE INFLUENCE'S DEFINITION

The article is dedicated to the problem of manipulative influence's definition: present approaches are examined, the choice of term «manipulative influence» is substantiated and the author's definition of the manipulative influence is given.

Key words: manipulation, manipulative influence.

УДК 821.111.09

Дубенко О. Ю., к. ф. н., доц.

Київський національний університет імені Тараса Шевченка, Київ

ВНУТРІШНЯ ФОРМА ЯК БАЗИСНА ЛІНГВОПОЕТИЧНА КАТЕГОРІЯ

У статті надається аналіз тієї еволюції, що його пройшло ключове поняття лінгвістичної поетики «внутрішня форма» з моменту свого виникнення у лоні філософії елінізму до теперішнього часу.

Ключові слова: внутрішня форма, ейдос, естетично-філософське трактування, лінгвофілософське трактування, власне лінгвістичний вектор дослідження, лінгвопоетичний вектор дослідження.

Внутрішня форма як принцип зв'язку форми та змісту у поетичному мовленні завжди вважалася головною категорією лінгвопоетики, проте вона мала невеликі шанси на плідне вивчення в межах традиційного мовознавства внаслідок свого лінгвофілософського характеру. Адже докогнітивна лінгвістика досліджувала виключно тілесний, а не духовний аспект мови, зосередившись на ретельному розгляді складових її кістяка – граматичного, синтаксичного, семантичного, в той час як концептуальний аналіз надав можливість перейти до вивчення матеріалізованого у ній світогляду, системи цінностей, які безпосередньо пов'язують мову з внутрішнім світом мовця. Саме тоді й з'явилася можливість повернутися до тих здобутків філософського та лінгвопсихологофілософського вивчення внутрішньої форми, що стали результатом багатовікових досліджень.

Поняття внутрішньої форми сягає корінням наукових праць античної доби і пов'язано насамперед з таким центральним терміном давньогрецької філософії і літератури в епоху елінізму як «ейдос» (грец. *éidos* – вид, образ), котрий трактувався досить неоднозначно. Ейдос, котрий буквально означає «вид», по суті, є звичним вираженням для платонівського поняття ідеї, тому можна констатувати, що ейдос = «вид» та «ідея» (= те, що видно) являють собою основні терміни учення Платона про ідеї. Вони виражають структурну особливість предметно-сміслової цільності кожної речі, збагненну розумом сутність речі з власною, теж суто розумовою картинністю та структурою. Отже, платонівські «ейдос» та «ідея» як модельно-породжувальний та модельно-оформлюваний принцип речі

© Дубенко О. Ю., 2014